

АДАМ МАЛЬДЗІС

ад Скарыны
і Фёдарова —

у XXI стагоддзе

Зборнік эсэ

МІНСК
ВЫДАВЕЦТВА
«ЧАТЫРЫ ЧВЭРЦІ»
2018

УДК 087.5:94(476)

ББК 63.3

М21

*Прадмова Алеся Карлюкевіча
Пасляслоўе Ліліяны Анцух*

Мальдзіс, А. І.

М21 Ад Скарыны і Фёдарова — у ХХІ стагоддзе : зборнік эсэ /
Адам Мальдзіс; прадм. А. Карлюкевіча, паслясл. Л. Анцух. —
Мінск : Чатыры чвэрці, 2018. — 208 с.
ISBN 978-985-581-087-3.

Зборнік складаецца з артыкулаў-эсэ, прысвечаных развіццю беларускага пісьменства, рукапіснага і друкаванага, якое пачалося з прыняццем хрысціянства ў Полацкім і Тураўскім княствах, пасляхова працягвалася ўжо ў друкаваным выглядзе ў Вялікім Княстве Літоўскім, а затым — у Расійскай імперыі і Савецкім Саюзе і дасягнула свайго апагея з набыццём Беларуссю незалежнасці. Развіццю мастацкай і навуковай літаратуры, далучэнню да біблейскага Слова Божага садзейнічалі выдатныя сыны і дачкі зямлі беларускай, сумежнай з Усходам і Захадам Еўразійскага кантынента.

Выданне разлічана на ўсіх зацікаўленых у пазнанні сваіх каранёў і гісторыі Айчыны.

УДК 087.5:94(476)

ББК 63.3

ISBN 978-985-581-087-3

© Мальдзіс А. І., 2018

© Карлюкевіч А. М., прадмова, 2018

© Анцух Л. Ф., пасляслоўе, 2018

© Афармленне. ТДА «Выдавецтва
“Чатыры чвэрці”», 2018

Час Адама Мальдзіса

Мне здаецца, што з папяровай кнігай развітвацца яшчэ рана. Па-першае, з-за таго, што інтэлектуальныя багацці за некалькі апошніх стагоддзяў збіраліся менавіта праз кнігу, праз друкаваныя выданні. Па-другое, папера матэрыялізуе адрасна тыя ці іншыя сучасныя адкрыцці і знаходкі. У інтэрнэце ж, бязмежнай электроннай прасторы, хапае «кашы для мазгоў», але не стае сістэмнасці і паслядоўнасці, якую стагоддзямі ўсталёўвала прастора друкаваных выданняў; не стае тых галін, якія абслугоўвалі і працягваюць абслугоўваць Яе Вялікасць Кнігу; не стае бібліятэказнаўства, бібліятэчнай увогуле справы; не стае бібліяграфічнага духу... З гэтага Часу Кнігі вылучаюцца і многія постаці нашых сучаснікаў. Тых, хто працаваў ці працуе і зараз дзеля назапашвання інтэлектуальных багаццяў папярэднікаў, у самых розных галінах. Такі ў гэтым паважаным асяроддзі — доктар філалагічных навук Адам Мальдзіс.

Высокі дар працалюбства, прыроджаная інтэлігентнасць, дэмакратызм у сацыяльным і палітычным вымярэнні, незалежна ад таго, у якім часе, у якіх абставінах яму даводзілася жыць і працаваць, вылучаюць гэтую асобу ў рад светачаў беларускай справы. Письменніца Людміла Рублеўская назвала яго Чалавекам Адраджэння, напісаўшы: «Усё, што ён робіць, успрымаецца як належнае і варты павагі». Параўнала яго імя «...у сённяшняй беларускай культурнай прасторы ... з гэтым жа архетыпам, як слова “камень”...» Мне падаецца, што Адам Мальдзіс у любым стагоддзі знайшоў бы сваё месца публіцыста — будзіцеля грамадскіх з’яў.

Кнігі доктара філалогіі даўно выйшлі за межы літаратуразнаўчых пошукаў. Жаданне вучонага разгледзець мінуўшчыну праз літаратурныя помнікі, праз тыя артэфакты прыгожага пісьменства, што ў розны час ствараліся на тэрыторыі Беларусі, прывяло да будаўніцтва сістэмнага ведання пра ўплывы на далейшае літаратурнае і культурнае развіццё народа, нацыі, краіны.

А яшчэ — і гэта не меней важна, чым усе астатнія наробкі Адама Мальдзіса, — у апошнія дзесяць-пятнаццаць гадоў вучоны засведчыў сябе цікавым публіцыстам, журналістам, які ў «Советской Белоруссии», у газеце «Голас Радзімы» і іншых перыядычных выданнях дзяліўся сваімі меркаваннямі, аналізаваў прысутнасць Беларусі ў свеце праз дзейнасць розных гістарычных асоб. Гэта надзвычай важны аспект, лёсавызначальны напрамак. Адам Мальдзіс паказаў іншым, што знойдзенае, здабытае ў архіўных сховішчах, адкрытае праз самыя розныя крыніцы памяці павінна стаць часткай агульнай інфармацыйнай прасторы, павінна дайсці да шырокай грамадскасці, да чытача-індывідуума, да людзей, якія раней, можа, і не задумваліся над тымі ці іншымі асветніцкімі, гісторыкакультурнымі тэмамі і з’явамі. Пагадзіцеся, старонкі масавай газеты з паўмільённым накладам — самая што ні ёсць выгадная і вартая для гэтага пляцоўка.

І ўсё ж вяртаюся да сваіх «папяровых» разваг... Зробленае, усталяванае Адамам Мальдзісам, падказанае ім як шлях для далейшых пошукаў, для работы па фарміраванні гістарычнай свядомасці вартая любой інфармацыйнай прасторы. Інтэлектуальная электронная работа, тое сеціва, якое будзе развівацца для чалавека разумнага, удумлівага, без Мальдзіса, яго публіцыстыкі не абыдзецца. Каб пераканацца ў гэтым — знайдзіце ўсё ім напісанае і прачытайце. Вас чакаюць гадзіны разваг над лёсам Беларусі і ўвогуле — разваг над жыццём.

Алесь Карлюкевіч

I. Карані беларускага пісьменства

Корень и крона истории

Почему белорусам важно осмыслить сущность Великого Княжества Литовского

Размышления, навеянные ураганом

Начну со сравнения. Как-то летом неожиданно налетел с юга, с Черного моря, ураган, принесший много беды прежде всего сельхозугодьям. Но досталось и лесам, и городским деревьям. Когда утром я вышел во двор и стал рассматривать уложенные ветром на землю стволы, заметил: прежде всего пострадали обладатели «поверхностной» корневой системы, не уходившей глубоко в землю. Также пали жертвой деревья, стоявшие отдельно или наклоненные в одну сторону, — их не спасли ни разветвленная крона, ни толстый ствол. Глядя на развернувшуюся картину, неожиданно для себя подумал: вот так же и «здание» государства. Крона — крыша строения: то есть органы власти; ствол — стены дома: экономика страны; ну а корни — фундамент: исторические, национальные, культурные традиции народа, его самосознание. Чем прочнее, глубже в столетия уходят они, тем устойчивее здание, тем прочнее стоит дерево.

Помнится, последствия урагана ликвидировали быстро и эффективно. А почему? Да потому, что власть приняла незамедлительные решения, позволившие свести к минимуму потери. Потому что после довольно продолжительного шатания от всяких ветров устой-

живее стали экономические стены нашего государственного строения. А как же фундамент? Прочно ли он зацементирован, глубоко ли уходит в землю — в национальную историю? Конечно, история БССР — очень мощный пласт! Но мы живем сегодня в другой стране, которая носит имя — Республика Беларусь. Многие исследователи по-настоящему осознают, что «копать» необходимо глубже — туда, где рождалась нация, имеющая огромную тысячелетнюю историю. Эти поиски неизменно приводят ученых к Полоцкому, Туровскому, Витебскому, Минскому, Городенскому, Друцкому и иным княжествам, княжеству Новгородскому, из которого «родилось» Великое Княжество Литовское.

И вот тут, при переходе от Новгородского княжества к Великому Княжеству Литовскому, Русскому и Жемайтійскому, начинается некий сбой в нашем мышлении. Полоцкое, Туровское — вроде бы (или, конечно же!) наши, а вот Литовское — вроде бы уже и нет. Ибо в память вьелся советский стереотип, рожденный в 1930-е годы, что ВКЛ — государство, чуждое нам, навязанное, враждебное. Ибо литовские князья завоевали нас, покорили, а потом эксплуатировали...

И самое парадоксальное, такой взгляд целиком удовлетворяет многих нынешних литовских историков, с которыми мне, белорусу с литовскими корнями, приходилось спорить на самых разных конференциях — от Рима и Люблина до Гродно и Тракая, Гервят и Рымдюн (этнические литовские деревни на территории Гродненщины).

А имею ли я право на спор?

Такой вопрос родился у меня, когда начал писать не только данную статью. Ведь действительно могут сказать и наши, и литовские историки в мой адрес: он — доктор филологических наук, занимался историей белорусской литературы XVI–XIX столетий, так чего лезет в чужой огород?! Во-первых, «огород» для меня не чужой с детства. Помню, с каким недоумением мои одно-

сельчане встретили весть, что по решению Кремля в пяти километрах от нашей деревни «по живому» пройдет граница, и нельзя уже будет запрячь лошадь и просто так поехать в Вильно, издревле сложившееся как экономический, политический, культурный центр и этнических литовских, и этнических белорусских земель. После войны мать настаивала, чтобы я поступал в Вильнюсский университет (ближе, да и родня там), но вмешался отец: мол, раз пробует что-то писать по-белорусски, пусть отправляется в Минск. Однако связи с Вильнюсом не прерывались. Когда стал работать в академическом Институте литературы, охотно ездил к соседям на конференции. А потом предложил им: давайте дружить институтами! И дружили по-настоящему: провели немало научных встреч, вместе отдыхали на Нарочи и Свитязи, в Тракае и Каунасе. И только улыбались, когда до нас доносилось эхо утверждений будто «враги-литовцы» нас «заполонили». Только неизвестно, где, в какой битве...

Помню, литовская фольклористка Ванда Мисявичене (именно она установила, что литовские жатвенные песни гораздо ближе к белорусским, чем к родственным латышским), хитро улыбаясь, сказала: «А вы знаете, ваши историки правы: белорусский фольклор сохранил доказательство, что такая битва состоялась... Послушайте, — и продиктовала текст, который я записал:

— *Ой, наехала Літва —
Будзе ў нас бітва.
Будзем Літву біці —
Вольку бараніці!*

После чего, глянув в мой блокнот, уточнила: «Слово “литва” пишется здесь с малой буквы: не государство же наехало, а его жители, дружина. Потому что “Волька” — это не “воля”, а невеста. По мелодии песня — свадебная. То есть понаехали дружки жениха — надо не упустить свое, взять с них выкуп».

Теперь второй аргумент. Моим «выкупом» и за литовские корни, и за гостеприимные встречи стало согласие написать совместно с литовской исследовательницей Альмой Лапинскене книгу

о наших литературных связях. Включили тему в договор между институтами. Мне надлежало описать контакты до 1939 года, моему соавтору — более поздний и насыщенный сотрудничеством (по крайней мере, переводами и декадами) период. Вскоре появилось наше совместное белорусское «чадо» под названием «Перазовы сяброўскіх галасоў» (1988). И хотя я, естественно, начинал, вторгаясь в историю, издавека, от ВКЛ, никаких возражений в печати мои утверждения об общности государства, добровольности и плодотворности его создания не вызвали. Как и повторение этих утверждений в литовской версии — «Литовско-белорусские литературные связи» (1989). Правда, одну мою фразу, несмотря на споры, длившиеся целый день, вплоть до самого отправления поезда «Чайка», все же переделали. Речь шла о государственном языке ВКЛ. Вслед за нашими лингвистами, славистами других стран я настаивал на его определении как древнебелорусский книжный. Когда же открыл напечатанный литовский вариант, увидел: язык преобразовался в «канцелярский язык» княжества. Что, конечно, возмутило меня: а какова же его этническая основа?! Ведь она имелась даже у эсперанто! Тем не менее «война» между нами из-за такого несовпадения взглядов не началась. Вскоре доктор Альма Лапинскене возглавила Литовскую ассоциацию белорусистов, начала говорить по-белорусски, переводить с него. Одним словом, стала «полпредом» белорусской литературы в Литве.

Наши разногласия

Итак, одно из существенных, но не основных наших разногласий заключалось в том, что мы с литовскими коллегами по-разному характеризуем государственный язык ВКЛ. Мы утверждаем: литовцы приняли наш книжный язык. Их точка зрения — тот язык был чем-то вроде древнего эсперанто. Однако основные споры происходили по другим, более кардинальным вопросам: чьим интересам

соответствовало создание ВКЛ, чье это было государство, каковы были его элиты и кто кого в нем угнетал? А также какие плодотворные уроки можно извлечь из истории ВКЛ, кому принадлежит оставшееся культурное наследие и стоит ли (а если стоит, то в каких случаях) его «делить»? Обо всем этом и пойдет речь дальше.

Но сначала позвольте еще раз обратиться к истории вопроса, что поможет, как я считаю, прояснить несколько существенных моментов.

Благословение Папы Римского

Очевидно, мои работы о белорусско-литовском, белорусско-польском, белорусско-русском и белорусско-украинском литературном и, шире, культурном взаимодействии не остались незамеченными. Этим объясняю поступившее мне в апреле 1990 года приглашение в Италию на международную конференцию, посвященную культурному наследию стран Центрально-Восточной Европы, которые образовались на территории бывшей Речи Посполитой, — Беларуси, Литвы, Польши и Украины. От каждой из них в Рим направилось по шестерке ученых — по три из «метрополии» и от диаспоры. Из Беларуси вместе со мной поехали известный историк, профессор Анатолий Грицкевич и языковед Вячеслав Веренич.

Конференцию проводил Папский институт в Ватикане, где при Иоанне Павле II работало много поляков. Поэтому, увидев, что число оных превышает количество всех остальных в несколько раз (и какие имена: сам нобелевский лауреат Чеслав Милош прилетел из США), мы внутренне сжались от напряжения, ожидая, что главными «спорщиками» окажутся белорусы и поляки, что опять всплывут вопросы о «крессах восточных» и так далее. И ошиблись. Ибо поляки знали и прекрасно усвоили пророческие утверждения редактора парижской «Культуры», минчанина родом, Ежи Гедройца о том, что на «крессах» возродятся суверенные белорусская, литовская и украинская державы, и уже смирились

с утратой «восточных земель». Зато литовцы встретили (за единственным исключением) дружелюбные и конструктивные высказывания белорусов в штыки: мол, ВКЛ — государство только литовское и ни о каком общем наследии нет и речи. С их стороны посыпались вопросы: «В состоянии ли белорусы выжить как нация и на что они возлагают надежды в своем оптимизме?», «Смогли бы возникнуть украинская и белорусская нации, если бы их земли в свое время не вошли в состав ВКЛ?». И наконец: «Можно ли считать белорусов народом государствотворческим, а древнебелорусский язык — государственным языком ВКЛ?» Мы отвечали корректно, хорошо аргументированно. Иногда нас поддерживали украинцы и поляки.

На конференции известный польский историк Ежи Ключовский предложил: поскольку все мы «обречены» на соседство и наши корни тесно переплетены, давайте напишем четыре национальные истории и переведем их на три других языка. Каждая сторона вольна оценивать себя настолько, насколько ей позволяет чувство объективности. Но в «историях» не должны содержаться два самых опасных изъяна: нельзя оскорблять достоинство другого народа или страны и нельзя допускать взаимоисключающих утверждений. Мне показалось, литовские коллеги явно приуныли: белорусы ведь напишут, что литовцы их не завоевывали, а для литовцев это — краеугольный камень в оценке ВКЛ.

Идею написания таких исторических текстов одобрил Папа Иоанн Павел II, который радушно принял участников конференции в Ватикане и нашел несколько минут для разговора с каждым. От имени белорусской делегации я вручил понтифику энциклопедический справочник «Францыск Скарына», посвященный, пожалуй, самой светлой личности в ВКЛ — зачинателю книгопечатания на этих землях, переводчику и толкователю Священного Писания. Знаменательно, что в одних случаях он называл себя, повторяю, русином, имея в виду этническое происхождение, в других — литвином, указывая на государственную принадлежность.

Продолжение «римских» споров

После «Рима–I» через год прошел «Рим–II» в Люблине, затем — «Рим–III» в Каменце-Подольском, потом дошла очередь и до Беларуси. «Рим–IV» решили провести в Гродно. И на всех этих форумах продолжались дискуссии о сущности Великого Княжества Литовского. Но вильнюсские коллеги либо уклонялись от прямых ответов, либо заявляли, что «ни с кем делить ВКЛ не собираются». Разве что согласны считать белорусскими земли за Днестром и Двиной. Исключение составлял лишь известный географ и краевед профессор Чесловас Кудоба, призывавший не накладывать прежние терминологические трафареты на сегодняшнюю действительность, не путать этнос с государственностью. Ведь названия «путешествуют» (яркий пример — Пруссия). То же случилось и с Литвой: во времена ВКЛ — это западная и центральная части этнических белорусских земель, а территории, населенные предками нынешних литовцев (только не «летувисов», ибо, как доказали мне вильнюсские белорусы, такое название противоречит правилам лексикологии), назывались Жемайтией, Аукштайтией, Дзукией...

И вот в древнем литовском замке Тракай проводится «Рим–V». Белорусы (Геннадий Саганович и Захар Шибек) первыми представили тексты своей истории (кстати, она уже издана в двух книгах — на белорусском и польском языках и переводится на украинский). Первый из авторов, написавший семь разделов о ВКЛ, охарактеризовал княжество как уникальное для Европы того времени федеративное государство, созданное в общих интересах — прежде всего для защиты от крестоносцев и татаро-монгольской орды. Кстати, о федеративности свидетельствует уже само официальное название державы: Великое Княжество Литовское, Русское и Жемайтийское. Что же касается угнетения, то оно имело не этнический, а феодальный характер: если боярин владел поместьями и в Жемайтии, то угнетал предков нынешних литовцев, а если кунигасы (князья) Радзивиллы (от литовского *erelis* — «орел») владели Несвижем и Слуцком, то все происходило с точностью до наоборот.

Вслед за белорусами заявили о готовности своих работ поляки. Отдельные разделы привезли для обсуждения украинцы. И только литовцы, почувствовав, что их текст войдет в противоречие с белорусским и тем самым нарушит одно из двух основных «римских» требований, не предоставили ни одной страницы и даже не назвали никаких возможных сроков. В вильнюсской прессе появились публикации, что все в Тракае вели себя хорошо, даже поляки, а вот белорусы проявили агрессивность, претендовали и на часть ВКЛ, и на общность наследия. Переговоры зашли в тупик. «Рим-V» оказался последним. Попытки реанимации результатов не дали.

Нетрадиционные «круглые столы»

Белорусско-литовские научные распри тревожили зарубежных коллег — уже не только из «римской четверки», но и белорусистов из других стран. Поэтому почетный профессор многих университетов мира, в том числе и БГУ, Анджей Цехановецкий, потомок князей Мстиславских и Заславских, собрал в Лондонском университете небольшое совещание. Прибыли профессора Норманн Девис, Джим Дингли, князь Замойский. Они говорили нам: не хватало еще, чтобы литовцы поссорились с белорусами, своими не только соседями, но и «родственниками» (через знаменитый «балтский субстрат» в крови). Раз многосторонние конференции результатов не дают, тогда, может, лучше встретиться вам с литовцами напрямую? Мы готовы дать Международной ассоциации белорусистов личные деньги на организацию такой встречи...

Но тут уже нам пришлось признать: нет «мира» и среди самих белорусов. Наряду с традиционным, советским мнением, что это литовцы «покорили» нас, слабеньких, появилось и нашло сторонников, особенно среди молодежи, противоположное утверждение. Уважаемый Микола Ермалович, желая отогнуть перегнутую палку, добился того же эффекта, но только в противоположную сторону:

Паломнік у будучыню, або Сяброўства даўжынёй у чвэрць стагоддзя

Як і многія яго сучаснікі, я ўдзячна лёсу за цудоўныя моманты шматлікіх зносін на перакрываваннях агульных інтарэсаў. Ведаю Адама Іосіфавіча Мальдзіса, здаецца, усё сваё прафесійнае жыццё — яшчэ да нараджэння «Чатырох чвэрцяў», а ім у 2018 годзе спаўняецца дваццаць пяць гадоў. З цікавасцю прачытвала навуковыя і мастацкія публікацыі ў перыёдыцы, «Жыццё і ўзнясенне Уладзіміра Караткевіча» ды і «Восень пасярод вясны», якія шырока абмяркоўваліся ў культурным асяроддзі.

Сапраўды, Адам Мальдзіс — сучасная легенда. Менавіта ад такіх дзеячаў з інтэлектуальнай эліты грамадства і залежыць аўтарытэт нашай эпохі. Па выніках яго дзейнасці нашчадкі будуць меркаваць пра тое, як жыў XX век і што трэба з яго браць, каб рухацца ў будучыню.

Размовы нашыя з ім былі вельмі сур'ёзнымі — гаварыць было пра што. Многія выдавецкія праекты тычыліся глыбокай гісторыі краіны, выбітных асоб нацыянальнай культуры. Паўставала заўсёды вялікая адказнасць перад чытачом за дакладнасць і праўдзівасць. Але былі ў нас і іншыя, «асабістыя», тэмы. Напрыклад, пра беларуска-шведскія стасункі. У той час я бывала ў Швецыі і вельмі захаплялася скандынаўскай культурай. І Адам Іосіфавіч многа чаго ведаў. Як суразмоўца ён вельмі цікавы — дасведчаны, высокаадукаваны.

Канешне, імклівы час шмат чаго прыбірае з памяці. Але некалькі найбольш значных эпізодаў сумеснай рэдакцыйнай дзейнасці няцяжка ўзгадаць. Напрыклад, як шчыльна працавалі разам, рыхтуючы выданне матэрыялаў да V Міжнароднага кангрэса беларусістаў, што адбыўся ў маі 2010 года. Вынікам сталі аж тры важкія тамы пад агульнай назвай «Новае слова ў беларусістыцы». Беларускія вучоныя, навукоўцы з Расіі, Украіны, Літвы, Польшчы, Чэхіі, Швейцарыі, ЗША і Вялікабрытаніі прадэманстравалі свае дасягненні ў галіне літаратуразнаўства і фалькларыстыкі, мовазнаўства, а таксама гісторыі і культуралогіі. Адным словам, тады нам разам з ганаровым старшынёй Міжнароднай асацыяцыі беларусістаў удалося па-новаму адкрыць здабыткі нацыянальнай і сусветнай навукі перад міжнароднай навуковай грамадскасцю.

Але найбольш хацелася б адзначыць удзел Адама Іосіфавіча ў вялікім выдавецкім праекце, звязаным з імем Міхала Клеафаса Агінскага, які распачаўся больш за дваццаць гадоў таму. Тады і пераступіў прафесар упершыню парог рэдакцыйных пакояў. Гэта быў 1997 год... Супрацоўнікі вы-

давецтва падступаліся да тэмы, дзе былі першапраходцамі на ўсёй постса-
вецкай прасторы — пра жыццё, дзейнасць, творчасць выбітнага палітыка,
дыпламата, музыканта, кампазітара. Сутыкнуўшыся з нечаканымі
цяжкасцямі — вялікай колькасцю супярэчнасцей у матэрыялах, атрыма-
ных ад яго нашчадкаў — братаў Анджэя і Іва Залускіх з Вялікабрытаніі,
пашукалі дапамогі доктара філалагічных навук. Мальдзіс жыва на пра-
панову адгукнуўся і ўдзельнічаў у працы як навуковы рэдактар. А калі
ў выдавецтве было прынята рашэнне да 250-годдзя Агінскага (у 2015 г.)
рыхтаваць больш маштабны праект, замахнуўшыся нават на пераклад
з французскай яго «Мемуараў...», Адам Іосіфавіч быў побач.

Складанасці ў працы над тэкстамі былі рознага кшталту, але мы
імкнуліся ўлічваць парады Мальдзіса асабліва ў тым, што Агінскі не
аддзяляў сябе ад адзінага тады цэлага — Рэчы Паспалітай, і што сёння
кожная з краін — Літва, Польшча і Беларусь, лічыць яго сваім. Нам разам
трэба было аргументавана паказаць, што асоба Агінскага непадзельная, як
і Міцкевіч, Касцюшка, Манюшка, Ваньковіч і іншыя дзеячы культурнага
памежжа другой паловы XVII — першай паловы XIX стагоддзя. Гэта агуль-
ны скарб трох народаў. Дарэчы, Адам Іосіфавіч адзін з тых, хто ўсёй сваёй
дзейнасцю даказваў, што беларусы далі свету мноства знакавых асоб. Ён
сам, не стамляючыся, вышукваў іх за мяжой, складаў картатэку, наладжваў
стасункі. У нашым праекце вучоны ўпэўнена разважаў пра рэчы, якія
прышлося б глыбока даследаваць. Яго фенаменальная памяць здзіўляла,
а меркаванні становіліся асновай для прыняцця рэдакцыйных рашэнняў
па праблемных пытаннях. Удалося з поспехам завяршыць праект, які
стаў добрым унёскам у кнігавыдавецкую галіну Беларусі. Больш за тое,
унікальныя выданні ўпісалі новыя старонкі ў гісторыю трох краін. Заслуга
Адама Іосіфавіча ў гэтым відавочная.

Як помнік пры жыцці вядомаму вучонаму, цудоўнаму чалавеку
расцэньваю гэтую сціпую кнігу. Аб выданні яе мы ўжо гады два таму
пачалі думаць. Тады Адам Іосіфавіч і пачаў збіраць свае артыкулы,
апублікаваныя ў «Голасе Радзімы», «СБ. Беларусь Сёння». Падаецца,
што кніга «Ад Скарыны і Фёдарова — у XXI стагоддзе» замацуе чарговую
цаглінку ў фундамент нацыянальнай гісторыі і культуры. Спадзяюся, што
сумесны шлях у адным напрамку перастварыў наша знаёмства ў шчы-
рае сяброўства, і таму ад усяго сэрца жадаю шанюўнаму Адаму Іосіфавічу
здараўя і творчага плёну.

Ліліяна Аніцх

Содержание

<i>Час Адама Мальдзіса. Алесь Карлюкевіч</i>	3
I. Карані беларускага пісьменства	5
Корень и крона истории	5
Книга-памятник	28
Сколько нам лет?	32
Ягамосць рукапісны дакумент	40
В 1392 году в Новогрудке повенчались католик Владислав Ягайло и православная Софья Гольшанская, единственная королева-белоруска	42
Возможен ли общий взгляд историков?	50
II. Шматгалоссе веравызнанняў	55
Шляхам згоды і святла	55
Няхай абраз зноў творыць цуды	57
Талерантнасць, моцная дыялогам	63
Дапаможам нашым суродзічам	65
III. Першадрукары	68
Дык якой жа веры быў Францыск Скарына?	68
Францыск Скорино: бесспорное и спорное	82
Иван, сын Фёдораў — родам з Вілейшчыны	96
IV. Кнігатворцы	99
Канцлер Хрептович возвращается в Щорсы	99

Палітык. Дыпламат. Кампазітар. Мемуарыст	104
Гениальный сын земли Новгородской	108
Запаветы, адрасаваныя нам Ігнатам Дамейкам	116
Правда интереснее мифов	120
Загадки и отгадки, связанные с Винцентом Дуниным-Марцинкевичем	131
А был ли Павлюк Багрим поэтом?	137
Посланник в Японию Иосиф Гашкевич	146
«Яснавяльможная пані Арэшчыха»	151
Династия Ельских	159
По маршруту Сморгонь – Новая Зеландия	164
«Свояки» Казимира Свояка	169
Шматгранны талант ссыльнага камісара Язэпа Дылы	177
Веніямін Фабрыкант, перш за ўсё паэт... ..	180
Эталон ветлівасці	182
Разуменне прыгожага, памножанае на працавітасць Уладзіміра Конана	185
Запаветы Уладзіміра Караткевіча наступным пакаленням	187
Мыслитель и патриот	198
<i>Паломнік у будучыню, або Сяброўства даўжынёй у чвэрць стагоддзя. Ліліяна Аніух</i>	204